

Телесериал "Антология Битлз", недавно прошедший по всем европейским каналам, включая Российское телевидение, стал сенсацией для поклонников этой легендарной "четверки".

Главным событием в картине было то, что "четверка" сама рассказывала о себе и впервые на экранах телевизоров появились доселе неизвестные битломанам хроникальные киноматериалы с комментариями участников группы. Пожалуй, лишь одна деталь вызвала недоумение у музыкальных критиков — отсутствие в телесериале старшего сына Леннона Джулиана. По последним газетным слухам, Джулиан был несколько огорчен невниманием авторов телесериала к своей персоне, и те же биографы "Битлз" утверждают, что первенец Джона мог бы рассказать немало интересного об отце и о "Битлз". Позже английский еженедельник "Хэлло" воспользовался этим пробелом и получил от Джулиана эксклюзивное интервью. Ниже публикуется несколько отрывков из этой многочасовой беседы...

Одна из самых громких сплетен, которая вылилась на страницы бульварных газет, — это решение Джулиана продать свой роскошный особняк в Голливуде, чтобы рассчитаться с долгами после провалов трех последних его альбомов. На самом деле он уверяет, что никогда не был обладателем дорогостоящего дома, а предпочитал всегда вести неприглядный образ жизни и в течение последних шести лет счастливо обитал в двухспальном бунгало на вершине голливудских холмов. Он уединился там, хотя в прессе писали о его кратковременных романах с голливудскими звездами Бруки Шилдс и Оливией Д'Або.

Джулиан приехал в Америку в двадцатилетнем возрасте, когда почувствовал, что Англия слишком наскучила ему. Приехав туристом в Штаты, он неожиданно открыл для себя новый, захватывающий и насыщенный событиями мир, где и поселился на целых двенадцать лет.

Но после многократных визитов в Англию он вдруг понял, что ему необходима более спокойная и одухотворенная Европа, нежели "кипящая" Америка, и неожиданно для всех купил особняк в Монако, где занялся ресторанным бизнесом.

— Как вы отнеслись к последним сообщениям в британской прессе, где написали, будто имидж вашего отца разрушает вас как личность и что деньги образовали трещину между вами и Йоко Оно?

— Я был приглашен в Калифорнию на мероприятие, организованное неким фондом по спасению дельфинов, и оказался среди пытливых журналистов. Видит бог, что я был вежлив, честен, откровенен и практически не упоминал ни об отце, ни о фильме "Антология Битлз". Но почему-то пресса решила, что я был озлоблен из-за того, что меня не пригласили участвовать в этом проекте. Люди, которые пишут обо мне всякие гадости, не думают о том, что они делают мне больно.

— Что вы думаете об "Антологии Битлз"?

— Я посмотрел первую и третью серии этого фильма и считаю, что это познавательно. Важно то, что об этом рассказывают сами участники группы.

— Какие у вас сложились взаимоотношения с Поллом, Ринго и Джорджем?

— Достаточно сдержанные. Если мы находимся в одном городе, то два раза в год. Я никогда не был близок с ними. Когда они завоевали весь мир и стали легендой, мне едва исполнилось пять лет. Для них я всего лишь копия своего отца, так как мы с ним очень похожи.

— Что вы можете сказать о конфликте с Йоко Оно по поводу наследства отца? Всем известно, что в 1964 году Джон Леннон основал трастовый фонд с капиталом в 100 тысяч фунтов стерлингов. Позже эти деньги были поделены между вами и Шоном. Но всех интересует, что стало с остальным громадным состоянием, которое контролирует Йоко

Оно, и которое, по слухам, исчисляется суммой в 220 миллионов фунтов стерлингов.

— У желтой прессы всегда есть страсть к преувеличению и подсчету чужих денег. Многие люди не понимают, что в Америке существует специальный налог на наследство, который составляет 50 процентов от всего состояния. И люди, не сведущие в законах, думают, что у тебя больше денег, чем есть на самом деле, хотя с выходом фильма "Антология Битлз", где были использованы архивы отца, сумма могла возрасти.

Мы с Йоко ведем переговоры и пытаемся мирно разрешить все наши финансовые споры. Я не стремлюсь к конфликтам и не желаю втягиваться в различные судебные тяжбы.

— Все состояние Джона Леннона контролирует Йоко Оно, и деньги расходуются по ее усмотрению. Означает ли это, что она вас считает недостаточно зрелым в этом вопросе?

— Я благодарен судьбе, что никогда не был избалован деньгами. Неизвестно, как сложилась бы моя судьба, если бы они оказались у меня лет десять, пятнадцать назад. Но теперь я созрел и готов обсуждать эти проблемы с Йоко.

— Правда ли, что в прошлом ваши отношения с Йоко были не столь хороши?

— Да, конечно. Когда вокруг тебя собирается много людей и у каждого свое мнение, то невольно вовлекаешься во всякие интриги. Некоторые "доброжелатели" пытались поссорить нас из-за неприязни к Йоко. Другие чрезмерно сочувствовали мне, и я оказывался на стыке этих противоречий.

— Получаешь ли ты отчисления от недвижимости отца?

— Нет, не получаю. Но и этот вопрос мы обсуждаем с Йоко. Дело не в деньгах, а в принципе. Я хочу, чтоб со мной просто считались.

— Шон — это единственный сын Джона и Йоко. Совершенно очевидно, что он родился уже обеспеченным ребенком в отличие от тебя. Нужно быть святым, чтобы не завидовать ему!

— В прошлом я ощущал большую зависть, но я преодолел это разрушающее чувство. Это прекрасно, когда вы можете победить в себе отрицательные ощущения. Меня это закалило.

— Вы забываете когда-нибудь, что вы сын Джона Леннона?

— Да, в компании близких друзей или когда один на природе. Но это бывает крайне редко. Быть сыном Джона Леннона не отягощает меня, но иногда ситуация становится невыносимой. Все зависит от внутренней культуры людей и их отношения к отцу.

— Недавно по телевидению прошла программа "Голливудские дети", рассказывающая о детях звезд. Многие из них чувствуют дискомфорт от постоянного внимания окружающих. В результате возникают алкоголь и наркотики. Относится ли это к вам?

— Вы имеете в виду — стал ли я жертвой? В прошлом в определенном смысле да. Давление ощущаешь не только потому, что ты сын знаменитости, но и когда начинаешь заниматься каким-нибудь делом.

Пожалуй, моя ситуация несколько нетипична. Я вырос в Ливерпуле, затем жил в Кенсингтоне с матерью Синтией, как бы на периферии жизни отца. И никогда не был под его опекой, как другие дети знаменитостей. И это помогло мне стать самостоятельным человеком.

— Значит, будучи ребенком, вы не много времени проводили с отцом?

Пятнадцать лет без Джона Леннона

лит. газета. — 1996 — 13 марта. — с. 14

Сын всемирно известного музыканта о его наследии и наследниках

— Очень мало. Может, три или четыре раза, затем он исчез, и у меня не было возможности выстроить с ним серьезные взаимоотношения. Осталось несколько приятных воспоминаний. Ну, например, как он играл со мной в бассейне или как мы ехали на мотоцикле к Ринго, но это все в далеком прошлом. Когда я стал старше, мне все труднее становилось видеться с ним. Я пытался понять его положение, но чувствовал себя с ним дискомфортно, потому что не был частью его жизни. А когда появился Шон, то он еще больше отделился от меня.

— Где вы находились в момент убийства вашего отца?

— В то время я жил в доме своей матери в Северном Уэльсе, и вдруг среди ночи провалился камин. Потом я узнал, что именно в этот момент в него стреляли. Мать была в Лондоне, и я никак не отреагировал на это происшествие, а просто уснул. На следующее утро, когда спустился в зал, увидел, что мой отчим зашторивает все окна. Я все-таки приоткрыл одну из занавесок и заметил толпы людей за окном, в том числе и прессу. Мать просила моего отчима ничего не говорить до ее

рессии несколько лет, и в это время с ней было тяжело общаться. Я чувствовал, что обязан поехать туда, но не мог объяснить, почему. Хотела ли она меня видеть или нет — это другое дело. Я старался чувствовать эту связь, но не знаю, насколько она была глубока. Отношения между мной и ими всегда были весьма отдаленными. Мы перезваниваемся один или два раза в год, а когда я бываю в Нью-Йорке, то заглядываю к ним, но всегда ощущаю, что у нас разные дела и каждый сам по себе. И эти чувства взаимны.

— Есть ли между вами и Шоном братские отношения?

— Определенно... Я люблю его и думаю, что это взаимно. Разница в возрасте как-то дистанцирует нас. Сейчас ему двадцать и он больше думает о забавах и развлечениях со своими друзьями. Я стараюсь поддерживать с ним хорошие отношения, но когда вам двадцать, ваши мысли заняты не любовью к брату, а своими интересами.

— Ваш первый альбом "Valotte" имел огромный успех, но затем дела пошли хуже. Это тогда вы начали употреблять наркотики?

— Наркотики — это норма жизни для миллионов людей. Почти все один или несколько раз в своей жизни пробовали алкоголь или наркотики. Но когда вы сын знаменитости или пытаетесь стать ею, то попадаете под пристальное внимание окружающих. То, что я начал принимать наркотики, — это следствие многих причин, а не какой-то одной. Возможно, я увлекся этим, чтобы как-то оградить себя от оказываемого на мою жизнь давления. Но могу определенно сказать, что это не было попыткой уничтожить себя. Многие слухи обо мне были явно преувеличены, и этот опыт является частью моего прошлого.

— Ваши последние альбомы после "Valotte" не были столь успешны. Как вы можете прокомментировать это?

— Я никогда не чувствовал себя неудачником. Чтобы творчески расти и двигаться вперед, надо обязательно гордиться тем, что ты сделал. Так приходит уверенность. Последние три альбома не продавались так успешно, как первый. Для меня это урок, который помогает осознать причины произошедшего.

— "Valotte" был продан в количестве двух миллионов экземпляров в США. Это сделало вас обеспеченным человеком?

— Вначале я стал достаточно богатым, но после того, как я расплатился с менеджерами и всеми теми, кто участвовал в проекте, денег осталось немного. По необходимости мне пришлось заплатить значительные суммы моим партнерам.

— И все-таки в чем причина неуспеха последних альбомов?

— На днях я послушал свой второй альбом "The Secret Value of Daydreaming" и ужаснулся. В нем было меньше меня, а больше влияния менеджеров и компании звукозаписи. После ураганного тура "Valotte", мне пришлось сесть в студию и насильно написать новый материал. Это давление со стороны шоу-бизнеса сказалось на качестве музыки.

— Как у вас складывались отношения с компаниями звукозаписи и менеджерами после последних неудач?

— По наклонной плоскости. Мой последний альбом "Help Yourself" был плохо раскручен. Мои поклонники со времен "Valotte" даже не заметили последних работ и при встрече спрашивали, чем я занимаюсь. В прошлом году я расторг два контракта и не спешу заключать новые. Хотя продолжал писать музыку и вполне доволен сделанной работой.

Из последних проектов — это музыка к фильму "Holland's Opus" с Мишель Камен, при участии кинозвезды Ричарда Дрейфуза.

Я также вместе со своим другом Вальтером Турбиттом организовал музыкальную компанию "Angel Moon Music" в Лос-Анджелесе. Мы будем делать записи для кино и телевидения. Это то, что всегда меня интересовало. Есть небольшие актерские работы, но это только начало.

— Вы не получаете дивидендов от наследства отца, не имеете контрактов на выпуск альбомов, на что же вы живете?

— На то, что я сделал в прошлом. Прошедший год стал поворотным в моей карьере, я стал приглядываться к новым проектам. В данный момент с группой друзей мы открыли небольшой бар и ресторан в одной из бухт Монако, назвав это предприятие "La Rascasse".

— Почему в Монако?

— Впервые я оказался в Монако по приглашению организаторов "Grand Prix" после премьеры фильма "Backbeat" в Лондоне. Мое пребывание затянулось на четыре месяца. Именно в этом культурном пространстве я почувствовал, что должен временно покинуть Америку, и Монако оказалось лучшим местом, где можно писать музыку. Я понял, что только движение или перемещение избавляет меня от творческого застоя.

— Что это за проект под громким названием "Революция"?

— Это то, о чем я мечтал последние 5–6 лет со своим соавтором Тоддом Мичером. Сейчас он живет в Сан-Франциско и, похоже, нашел людей, которые могли бы поддержать наши идеи. Некоторые связывают это название с "Битлз", но тут нет никаких аллегорий. По своей концепции это похоже на "планету Голливуд" или "Hard Rock Cafe", но тематика будет несколько иная. Я хочу придать этому проекту социальную направленность и использовать образы Мартина Лютера Кинга и матери Терезы в оформлении наших залов, а точнее — тех людей, которые в позитивном смысле изменили наш мир. В остальном в наших помещениях будут представлены работы художников и фотографов из Сан-Франциско, и часть денег от продажи этих работ пойдет на благотворительные цели.

Идея такова, что люди, побывав в нашем ресторане, не только наслаждаются искусством наших кулинаров, но и получают нечто большее, чем ощущение сытости.

— Что у вас происходит в личной жизни?

— В данный момент у меня никого нет. Я не чувствую себя готовым к серьезным отношениям. Я занят делом и больше думаю о своем материальном и духовном благосостоянии.

Я верю в судьбу, и это произойдет само собой, хотя очень хочется иметь семью.

— Каковы ваши отношения с матерью?

— Мы говорим с ней по телефону раз в неделю. Часто обращаемся за советом друг к другу и очень близки. Во время наших встреч, которые происходят два раза в год, мы вдоволь общаемся. Сейчас я счастливее, чем 10 лет назад. И с каждым днем, минутой и секундой я сильнее ощущаю эти чувства.

Иногда мне кажется, что, когда мне было двадцать, я был в состоянии уставшего от жизни сорокалетнего человека.

Из журнала "Хэлло"
Перевод М.ШАКИРОВА

— Не сидит ли в вас обида, что он бросил вас и не дал возможности вам сблизиться с ним?

— У меня двойное чувство. Я это осознал в последние пять лет. Да, он был великий музыкант, и, без сомнения, "Битлз" оказали огромное влияние на мою жизнь. Но как отец он не всегда был на высоте. В то же время я любил его, люблю и сейчас и стараюсь погасить в себе те негативные чувства, связанные с теми отчуждениями, чтобы прийти к пониманию, какой же личностью он был. Я все еще о чем-то сожалею...

— Пытались ли вы когда-нибудь приехать в Нью-Йорк, чтобы жить вместе с ним?

— Когда я был подростком, мы часто говорили с ним по телефону и обсуждали мою учебу в каком-нибудь колледже. Думаю, что это были всего лишь благие намерения как с его стороны, так и с моей. Мы оба себя чувствовали неуютно в той ситуации.

возвращения. Ему было трудно, так как я все время спрашивал о происходящем. В конце концов он рассказал мне все. Я не мог поверить и расплакался.

— Что вы почувствовали, когда узнали, что ваш отец не просто умер, а его застрелили?

— Я до сих пор в шоке. Это была первая потеря родного человека в моей жизни. Потом пришлось пережить его смерть вместе со всем миром. Это было очень тяжело. Мои первые мысли были о матери, которая была ближе к нему, ведь я знал его меньше. Я переживал за нее. Мне казалось, что она все еще его любила. В конце концов он был ее первой большой любовью и теперь ушел от нас второй раз.

На следующее утро я оказался в салоне самолета, летящего в Нью-Йорк, среди людей, читающих о моем отце. Они не имели представления, что рядом сидит сын Джона Леннона. Я ощущал себя

369